

Глава 29 Закупка продовольствия

Удивленная, Чэнь Вэй сумела изобразить улыбку, когда, не удержавшись, спросила:

— Сяо Жун, не говори мне, что ты хочешь сыграть композицию?

Две ее подружки уже азартно пробовали содержимое корзинки. Еще немного и самой хозяйке А Вэй ничего и не останется.

Чэнь Жун улыбнулся и кивнул, спускаясь с повозки.

Еще три девушки, стоящие неподалеку и явно греющие уши, одновременно рассмеялись — кроме нескольких известных ученых, никто не касался музыки по пути, так как все знали, что с многочисленным мастерам в этой большой кавалькаде не следует хвастаться, чтобы не показаться некомпетентными.

Чэнь Жун был всего лишь мальчишкой. Сомнительно, что он давно занимается игрой на этом инструменте. Если он осмелится играть перед толпой, может ли быть его игра настолько хороша?

— Как смело со стороны Сяо Жуна, — раздался и мужской голос.

— Когда на наших сердцах беспокойно, музыка приносит нам мир. Когда наши сердца уже спокойны, музыка принесет нам досуг. Могу я спросить, что в музыке и поэзии смелого? — легко ответил Чэнь Жун, не поднимая головы.

Несколько девушек хотели что-то ответить, но быстро передумали. Они, естественно, услышали величие и ощутили скрытый смысл в словах Чэнь Жуна. Что бы они сейчас ни произнесли, в сравнении с блеском сказанного, их слова прозвучат вульгарно.

Матушка Пинь уже принесла цитру для Чэнь Жуна.

Чэнь Жун положил инструмент и поднял пальцы. Внезапно издалека донеслась серия мелодичных звуков цитры. Неторопливо и радостно она нарисовала картину высоких гор и извилистых ручьев — кульминацию всего эфирного.

Толпа немедленно двинулась туда. Чэнь Вэй и другие девушки переглянулись, чтобы последовать за звуком — такую музыку мог играть только Ван Цилан.

Не успел он опомниться, как вокруг Чэнь Жуна образовалось пустое пространство.

Он склонил голову, погладил струны алебастровыми пальцами и улыбнулся, прежде чем возложить руки на струны.

— Сяо Жун, почему Вы колеблетесь? — заметив, что он не играет, поинтересовался мужчина, расспрашивавший его ранее, усмехаясь.

Чэнь Жун вернул цитру Матушке Пинь и про себя подумал: «хотя моя музыка примечательна, я только подчеркиваю свои недостатки перед музыкой Лан'я Ван Ци. Что толку прерывать его игру?» Тем не менее, он мягко ответил:

— Небесная песня уже среди нас. Этого достаточно, чтобы изгнать печаль.

Не в силах вымолвить ни слова, мужчина не мог ничего ответить.

В эпоху, поклонявшуюся дебатам, произносить слова, на которые другие не имели ответа, было талантом, уважаемым всеми аристократами. И, несомненно, юнец обладал таким талантом и мужчина это признал.

В своей прошлой жизни совсем недавно Чэнь Жун был вспыльчивым, как и Женя, так и Жунь в ее прошлой жизни в этом возрасте, их речь была неуклюжей, и все они всегда становились жертвами чужих словесных ловушек. Страдая раз за разом, А Жунь обнаружила, что в этом беспокойном мире, если не желаешь стать чьим-то посмешищем, ты должен практиковать искусство речи. Если бы она могла использовать сложные и юмористические ответы, дабы лишить других дара речи, это стало бы отличным подспорьем для ее социального продвижения. Женя в своей среде предпочитал отмалчиваться, или впоследствии ехидно огрызаться, порой ставя собеседника в весьма неудобное и даже неприличное положение. А когда освоил артефакты, еще и мог изрядную подлянку организовать вдогонку.

Передав цитру Матушке Пинь, он тихо встал и ушел в темноту, пока никто не обращал на него внимания.

Шагая под круглой луной, он побрел по насыпи. Стоя там, Чэнь Жун смотрел туда, где находились Жань Минь и Ван Хун.

Это место всегда был оживленным и беспокойным.

Чэнь Жун некоторое время смотрел туда, прежде чем опустить взгляд и посмотреть на землю, где ширилась его тень.

Ночь заканчивалась.

Пока все были увлечены этими двумя, а он предоставлен сам себе, можно было поупражняться медитации - это конечно хорошо, но тело требует и физических нагрузок.

Его тело перетекло в боевую стойку, и затем взорвалось серией ударов танца с тенью. Сменилось несколькими почти акробатическими кувырками совмещенными с атакующими ударами, и вновь перетекло в следующую стойку. Он повторял свои комплексы, смешивая их с элементами танца тени, новых знаний. Попутно к нему устремились нити и ленты утреннего эфира, окутывая и насыщая ауру омеги, даже без его инициативы.

Увлеченный омежка, как всегда, даже не подозревал, что у его развлечения есть неравнодушные наблюдатели. Достаточно наупражнявшись, он принял позу для медитаций, погрузившись в себя. Эфир закручивал вокруг фигурки настоящий кокон, обещая выход из него почти небесного существа.

Через некоторое время его тело вспыхнуло звездой и засветилось изнутри эфирным светом и приподнялось над землей...

-оОо-

На следующий день караван снова вышел в путь.

Что бы там ни говорил Жань Минь, в то утро отдохнувшая группа начала набирать скорость.

Чэнь Жун валялся в повозке, наслаждаясь новым состоянием. Кажется, его преобразование завершилось, поскольку прекратился расход ци, теперь перешло на переработку эфира в эссенцию, его тело и ядро начали перерабатывать эфир в более сложную субстанцию - ки. Ци будет преобразовываться по мере надобности сама по себе. Ее появление теперь естественно, как производство гемоглобина. Ки - это активная сила, та, на основе расхода которой строятся все активные заклинания, большинство из которых боевые. И они теперь ему доступны. Ки будет накапливаться в ядре, и ее объем обусловит дальнейший рост.

Так продолжалось несколько дней. В лунные ночи они шли до часа крысы (11 вечера), прежде чем останавливались отдыхать. Теперь на привалах Чэнь Жун был занят выполнением элементарных разовых печатей на дощечках, изготовленных плотником. Это были печати охраны, защиты от вредителей, от болезней - поскольку близилось время простуд и лихорадок, от зла, печати привлечения достатка, разовые печати тепла, согревающие помещение на сутки, ими обычно пользовались в походах, используя в крайнем случае, короче - всем известный, легко опознаваемый простолюдинами стандартный магический набор. Такие печати продавали жрецы храмов, монахи и странствующие одаренные. Он довел действие до автоматизма, нарисовать печать кистью-артефактом специальным отваром, и прожечь ее тонкой стружкой ки. Это было и упражнением, и практикой. Израсходовав объем ки за привал, во время переходов он медитировал, вновь наполняя ядро эссенцией. Это было необходимое действие для развития ядра.

Выполнение простейших печатей было прекрасной причиной для прокачки ядра и каналов. И, главное, живыми деньгами. С недорогих разовых печатей он постепенно перешел на более сложные амулеты и флаги защитного и бытового значения, их требовалось обрабатывать и закреплять в котле. Их цена колебалась от рулона шелка до нескольких. С эликсирами и

пилюлями пришлось повременить из-за отсутствия отдельных компонентов сырья и еще недостаточного запаса ки.

Кроме того, он старательно осваивал уже полученную технику скрытности и продолжал медитации с расширением запаса ци и ки в теле. Гоняя оба вида силы по всем каналам.

Из-за предыдущих столкновений с армиями Ху, благородные отпрыски не осмеливались жаловаться на скуку, хотя чувствовали себя невероятно несчастными. Молодые люди хотя бы могли разминаться верхом в то время как девушки и дети были этого лишены. Впрочем, удаляться от обоза никто не рисковал, лишь развлекаясь скачками вдоль каравана.

Чэнь Жун в какой-то момент к ним присоединился, чтобы размяться от долгого сидения в повозке.

Правда, для этого пришлось сменить ханфу на куртку и штаны. Зато он отвел душу, вспомнив некоторые самые простые приемы джигитовки: соскоки на ходу, джигитовку стоя на стременах, задом наперед, лежа поперек седла и держась под брюхом лошади. Однако совсем немногие аристократы могли составить ему конкуренцию. А ведь свободное управление лошадью было обязательным искусством, которое проверялось на императорском экзамене. Впрочем, Жень мог быть спокоен, его старший брат, да и отец в молодости были весьма умелыми всадниками. Его остановил только восторженный свист со стороны всадников Жань Миня, оказывается, обсуждавших между собой упражнения аристократов. Они с гиканьем поддержали разгоряченного юношу, увлекая его и еще нескольких юношей уже в свою игру, с более рискованными упражнениями: соскоки через шею и круп коня, стойка вниз головой, соскоки на обе стороны и поднятие предметов с земли. Северяне были кочевым народом, и порой ребенок раньше садился на лошадь, чем начинал ходить.

Но Жень не желал уступать, показав вполне себе необычные вертушки, пролаз под конем и вис, так, чтобы руки скользили по земле, а та же виртуозная работа хлыстом, что было встречено особенно громким ревом воинов, он настолько увлекся, что когда опомнился, вдруг понял, что обоз остался в стороне, а он «веселится» среди довольных выпавшим развлечением кочевников, и мышцы уже протестующе ноют, непривычные к таким нагрузкам. В развлечение внезапно вмешался генерал, нагнав мальчишку и перетащив под дружное улюлюканье на своего коня. Чэнь Жун не сопротивлялся, пересадка с ожного коня на другого - тоже была фигурой, но чуть позже сообразил, что что-то не так, и разом притих, оборвав довольный смех, и опасливо покосился через плечо.

— Молодому господину не стоит так далеко удаляться от каравана, — низким голосом из-за шлема пояснил свои действия предводитель Ху. — Но Сяо Жун неплохо чувствует коня.

Это было почти комплиментом. Чэнь Жуна скрутило ощущением дежавю. И он по возможности отстраненно выпрямился, сидя перед генералом, стараясь, насколько можно, его даже не касаться. Это вызвало хохот и множественные неприличные комментарии воинов и довольную усмешку самого генерала. Неподалеку от каравана ему все же вернули его лошадку, что позволило сохранить лицо. Вернувшись в свою повозку, Жень побился лбом о стойку. Такая детская дурь, единственным плюсом было в том, что он убедился, навыки джигитовки остались

при нем. Все же проснувшуюся подростковую сущность следовало немного сдержать. Активировав очищение, он упорно засел за медитации и изготовление амулетов, больше даже носа не высывая из повозки.

Через десять дней пути впереди показалась городская крепость. Чэнь Жун закрыл блокнот и хмуро глянул на стены города, что-то обдумывая. После чего созвал слуг.

— У меня есть несколько золотых листов. После того, как мы прибудем в город, первое, что вы должны сделать, это купить продукты. Чем больше, тем лучше, — глядя на высокие стены, сказал Чэнь Жун. Чем ближе к Наньняну, тем дороже будут продукты. Это последний достаточно крупный населенный пункт, где можно было произвести крупные закупки.

— Заложь эти украшения, чтобы купить еды на эти деньги, — добавил он после некоторых раздумий, демонстративно передавая шкатулку с якобы безделушками няне. Многие окружающие обратили на это внимание. На самом деле в шкатулке были амулеты и он их загодя няне показал и пояснил, где какой.

За время пути зерно, вывезенное аристократами из Пинга, почти закончилось. Как и многие другие припасы. Но благородных особенно этот вопрос не волновал. Точнее, о нем не задумывались, как о низменном.

— Старый Шен, одолжи у Ван, Юй и прямой линии Чэнь по десять повозок у каждого с крепкими лошадьми. Скажите им, что я беспокоюсь о нехватке продовольствия в Наньняне, поэтому я хотел бы купить еду здесь впрок.

— Господин, у нас в Наньняне будут сородичи из клана. Почему мы должны это делать? — взирали на него с удивлением Матушка Пинь, Старый Шен и все остальные.

— Господин, все тридцать повозок можно позаимствовать у дома Чэнь. У них много свободного транспорта. Зачем брать займы у посторонних? — воскликнул Старый Шен.

— Хотя Наньнян — великий город, — начал объяснять Чэнь Жун, невольно нахмурившись, — Так много знати и беженцев, наводнивших его за такое короткое время, несомненно, создадут нехватку продовольствия. Ведь собранный урожай не был рассчитан на стольких гостей. Моего отца и брата здесь нет, так что, куда бы я ни пошел, мне придется зависеть от других людей. Если я не хочу, чтобы люди доставляли мне неприятности, попрекая миской каши, мне нужны соответственно моя собственная еда и деньги. Я придумаю какой-нибудь другой способ раздобыть деньги, но, прежде чем мы войдем в Наньнян, нужно будет запастись провизией.

— Да.

— Я хочу одолжить повозки у Ван и Юй только затем, что хочу сообщить им о своих предположениях, чтобы они не возненавидели меня к тому времени, когда мы осядем в Наньняне, и если там действительно проявится нехватка еды, они могут сказать, что я знал,

но им не сообщил,— разъяснил он Старому Шену.

— Господин, какой вы мудрый и дальновидный.

Слушая похвалы нянюшки Пинь и старого Шена, Чэнь Жун криво улыбнулся: «если бы я в лице А Жунь не испытал этого однажды, обладал бы я этой мудростью?» К тому же под видом переформирования своей части обоза и заимствования повозок у других он намеревался вытащить повозки, прихваченные перед переправой, часть из них требовала мелкого ремонта, а пара совсем сломанных, но богатых оставались там же до лучших времен. Своих столяра и кузнеца он предупредил, что недорого выкупит повозки у кланов, требующие некоторого ремонта, чтобы они были готовы его осуществить.

Мастера ответили, что им такое уже предлагали, причем пару крепких повозок мастера приобрели для себя, «расширяя» производство, точнее, ремонтные площади, и Чэнь Жун одобрил подобные покупки на их усмотрение. Но заработанные деньги предложил потратить на продовольствие, повозки же выкупить за его счет, а потом уже вернуть их цену ему, если эти повозки им будут нужны. Мастера за время следования каравана неплохо заработали на ремонте. Следить за учетом повозок было поручено Старикау Шену.

Когда кавалькада прибыла в город, уже наступил вечер. После нескольких последних дней безостановочного путешествия даже ночью, все дворяне были измотаны. Наконец-то они добрались до города, который все еще был шумным и мирным, хотя и несколько обветшалым, как все провинциальные городки такого уровня, продвигающиеся только сельхоз продуктами этого региона. Но всем хотелось остановиться и не совершать больше ни шагу.

Когда группа вошла в город, крошечный городок захлестнуло волнение. Все съемные дома, дворы и комнаты на центральной улице были в один момент разобраны. Чэнь Жуну и его повозкам достался складской двор, для Чэнь Жуна была снята комната над лавкой, которой и принадлежал этот склад. Попутно удалось сразу договориться о содержимом склада, которое спешно переключало в повозки, а место под крышей заняли мастера и слуги. Не слишком свободно, но и не такая теснота как в повозках.

Вскоре после этого Матушка Пинь сообщила Чэнь Жуну, стоявшему рядом со своей повозкой:

— Господин, все амулеты проданы, но еда здесь очень дорогая. Рулон ткани можно обменять только на девять пеков риса*. В Пинге рулон ткани стоил двадцать пеков.

[Пек — мера объёма сыпучих тел; англ. $\approx 8,81$ л; амер. $\approx 7,7$ л.]

— Обменяйте все на еду, основанную на этой цене. — Решительный голос Чэнь Жуна вернулся к ней в ответ. Цену он уже знал. Часть повозок с грузом до крыши отправилась обратно в пространство. Но больше он туда взять не мог, по его ощущениям. Однако следовало продолжить запасать продовольствие, это вскоре окупится.

— Матушка, вот еще разовые амулеты. Используйте все вырученные за них средства для закупки еды. — Он достал мешочек, заполненный табличками и протянул его пожилой женщине. Амулеты всегда пользовались спросом и были в цене, особенно в преддверии зимы.

— Но, господин, когда мы доберемся до Наньняна, нам понадобятся деньги. Может не все вырученные средства тратить на зерно? Да и амулеты дешевле не станут, — матушка Пинь не знала, как и остальные слуги, что Женя сам делал амулеты. Они предполагали, что это запасы его отца. — У нас только дюжина людей, почему мы покупаем так много еды?

— Просто делай, как я говорю, — донесся недовольный голос Чэнь Жуна из его комнатки.

Он решил, наконец принять полноценную ванну.

— Да.

Из-за непреклонного отношения Чэнь Жуна слуги начали действовать куда активнее. В тот вечер они наполнили продовольствием все тридцать три грузовые повозки под самую крышу, да и на крыши водрузили легкие грузы типа сухих трав и мешков с сухофруктами, орехами и сушеной ягодой. Пять повозок отправились в пространство. Еще часть продуктов, предназначенных использовать в ближайшее время, была размещена в «жилых» повозках.

Это был очень маленький город. После того, как Чэнь Жун заполнил повозки, он услышал, как Старый Шен бормотал, что продукты снова подорожали, от рулона ткани за девять пеков риса до одного рулона ткани за пять пеков риса, оставив их без денег. Рулон и пек риса были средним ценовым мериллом этого времени.

Дом Ван и те, кто также приехал из Города Пинг, не ставили под сомнение решимость Чэнь Жуна в покупке зерна, хотя он по слухам и растратил свое семейное богатство. Любая знатная семья накапливала свое богатство десятилетиями, и никто не растратил бы свои собственные средства на чрезвычайную ситуацию. Те, кто раздавал свое семейное богатство крестьянам, а потом превращался в нищих, были глупцами, а не мудрецами. Но вот только решениям Чэнь Жуна уже доверяли, по крайней мере, их рассматривали серьезно, поскольку он уже несколько раз доказывал свою правоту.

Поэтому те, кто был с ним с самого начала путешествия, серьезно озаботились заготовкой продовольствия. Скупая крупы и каштаны, и все то, что могло храниться длительно.

Чэнь Жун на полном серьезе внимательно осматривал лично произведенные закупки и равномерно распределял груз по повозкам: помимо традиционного риса он приказал брать и сухое мясо, рыбу, орехи, фрукты, овощи и ягоду, а так же вновь были наполнены бутылки и бурдюки алкоголем, пустующие бочонки заполнены плотно уложенными маринованными овощами и обильно пересыпанной солью, травами и специями свининой. Тут пока не было понятия солонины. Поэтому слуги выполняли указания господина с большим интересом, смешанным с недоверием. И конечно, слуги были смущены тем, насколько были наполнены повозки, такое никакой конь бы не смог сдвинуть, хотя всем они говорили, что половина — это

сухие травы для господина, и они ничего не весят. На деле все, что было легким, заняло места снаружи, подвешенное к бортам повозок и привязанное к крыше. Но это было на виду и как бы напоказ.

Чэнь Жун выдал возчикам бутылочки с пилюлями, которые добавили бы силу лошадям. Числа пилюль должно было хватить на неделю пути.

<http://erolate.com/book/1285/36079>